

А. Н. Ващенко*

ИДЕЯ АБСОЛЮТНОГО БЛАГА В ФИЛОСОФСКОМ УЧЕНИИ И. В. МИХАЙЛОВСКОГО

В работе «Очерки философии права» (1914) выдающегося русского философа и юриста Иосифа Викентьевича Михайловского (1867–1920), выдвинувшего в противоположность неокантианцам призыв «Назад к Гегелю!», мы найдем развернутую концепцию естественного права как элемента мирового этического порядка, объединенного идеей абсолютного блага. Развивая традиции русской философии права, восходящие к Б. Н. Чичерину, Михайловский стремится синтезировать гегелевскую идею всеобщего нравственного миропорядка и кантовскую трактовку права на основании взаимосвязи идеи разума и идеи блага. В его конечной формулировке идея права выступает как синтез общественного порядка и личной свободы человека. Учение И. В. Михайловского может рассматриваться как один из перспективных источников современной философии права России.

Ключевые слова: Иосиф Викентьевич Михайловский, русская философия права, абсолют, личность, естественное право, благо.

A. N. Vashchenko

THE IDEA OF THE ABSOLUTE GOOD IN THE PHILOSOPHICAL TEACHING OF I. V. MIKHAILOVSKY

In the work “Essays on the Philosophy of Law” (1914) by the outstanding Russian philosopher and lawyer Joseph Vikentievich Mikhailovsky (1867–1920), who, in contrast

---

* Ващенко Альбина Николаевна — ст. преп. каф. Р4 «Экономика, организация и управление производством» БГУ «ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова, vashchenko_an@voenmeh.ru, Российская Федерация, 190005, г. Санкт-Петербург, ул. 1-я Красноармейская, д. 1; аспирант РХГА им. Ф. М. Достоевского, Российская Федерация, 191023, г. Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 15, лит. А.

Vashchenko Albina N. — senior lecturer of the P4 department “Economics, organization and Production Management” BSTU VOENMEH D. F. Ustinov, vashchenko_an@voenmeh.ru, 1st Krasnoarmeyskaya str., 1, St. Petersburg, 190005, Russian Federation, PhD student of the Dostoevsky Russian Humanitarian Christian Academy, d. 15, lit. A, Fontanka River Embankment, St. Petersburg, 191023, Russian Federation.

to the neo-Kantians, put forward the call “Back to Hegel!”, we will find a detailed concept of natural law as an element of the world ethical order, united by the idea of absolute good. Developing the traditions of the Russian philosophy of law, dating back to B. N. Chicherin, Mikhailovsky seeks to synthesize the Hegelian idea of a universal moral world order and Kant’s interpretation of law on the basis of the interrelation of the idea of reason and the idea of good. In its final formulation, the idea of law acts as a synthesis of public order and personal freedom of a person. The teachings of I. V. Mikhailovsky can be considered as one of the promising sources of modern philosophy of law in Russia.

Keywords: Joseph V. Mikhailovsky, Russian philosophy of law, absolute, personality, natural law, good.

Иосиф Викентьевич Михайловский (1867–1920) — один из представителей блестящей плеяды русских юристов, для которых сама идея права заключала в себе образ абсолютного блага. Поэтому их нравственно мотивированное служение праву, как в теоретической, так и сугубо практической деятельности, с необходимостью включала в себя и чисто философское познание. В итоге Б. Н. Чичерина, Е. Н. Трубецкого, П. И. Новгородцева, И. А. Ильина, Е. В. Спекторского российская общественность знает более как философов, чем как юристов, несмотря на их многочисленные научные работы чисто теоретико-правового, а зачастую и прикладного, характера.

И. В. Михайловский до революции был известен как специалист в области уголовного и судебного права (см.: [3; 4]). Длительное время он был практикующим судьей, а с переездом в Томск возглавил кафедру философии права в Томском университете, издал фундаментальный труд «Очерки философии права» (1914), а также написал серию статей по истории музыки и по эстетике. В годы гражданской войны философ-юрист поддержал белое движение, войдя в состав Высшего сибирского суда по Уголовному департаменту с правом чтения лекций. После утверждения в Томске Советской власти И. В. Михайловский, проведя в ходе следственного разбирательства некоторое время в заключении, был отпущен на свободу по просьбе ректора Томского университета А. П. Поспелова [6, с. 26]. Однако ранняя смерть от кардиосклероза не позволила выдающемуся русскому философу ни послужить своей стране, ни уехать в эмиграцию.

В период творческой активности И. В. Михайловского как философа наибольший вес в русской философии права, очевидно, имела школа «возрожденного естественного права» П. И. Новгородцева. В главном — в понимании того, что право невозможно ни принять, ни даже помыслить, не допуская идеи абсолютного, — расхождений между двумя философами не было. Ведь сама эта идея неотделима от классического философского наследия, начиная от теории естественного права, возводившей всеобщие начала права и морали к идее абсолютного добра Платона, вплоть до немецкого идеализма, трактовавшего нормы права и морали как продукт синтеза понятия абсолютной свободы.

Право, трактуемое вне идеи абсолюта, неизбежно оборачивается насильем. Ведь человек добровольно следует нормам права и морали лишь тогда, когда они являются чем-то безусловно значимым для него, когда они являются объективным воплощением его собственной свободы, составляют его круг духовно-нравственных ценностей. Ценности же не могут быть чем-то относительным, иначе они перестают быть ценностями. Нормы права, лишённые

своего ценностного основания, причем именно как абсолютного основания, могут применяться лишь посредством насилия над человеком. Но таким образом нормы права могут регулировать социальные отношения лишь в порядке исключения, в отношении заведомых преступников и безнравственных людей. Они не могут быть регуляторами социальных процессов в целом, не могут войти в резонанс с общественным правосознанием. Подчинение нормам права и морали, если исключить из них абсолютно-ценностное содержание, будет восприниматься человеком как отрицание его личностного достоинства [7, с. 186–191]. Поэтому доминирующие в западной философии права тенденции к «исключению» идеи абсолюта из синтеза правовых понятий («В концепции Хабермаса есть лишь один Абсолют — общезначимость аргумента, интересубъективная рациональность» [1, с. 196]) на деле являются тенденциями разрушения права, прямо следующими из идей «разрушения разума» в философии XX столетия (Г. Лукач) [12] и разрушения человека в философии XXI столетия.

Напротив, в рассуждениях русских философов, и П. И. Новгородцева, и И. В. Михайловского, мы видим в первую очередь стремление раскрыть смысл абсолютного блага, или абсолютного добра, как имманентного содержания идеи естественного права. Вместе с тем, подход двух выдающихся русских правоведов к решению философской задачи теоретически связать идею абсолютного блага и содержание естественного права представляется нам существенно различным: П. И. Новгородцев более ориентировался на наследие В. С. Соловьева с его идеей права как «минимума» идеи абсолютного добра; суждения И. В. Михайловского представляются более созвучными формулировкам Б. Н. Чичерина, крупнейшего русского философа права второй половины XIX в., известного в том числе и своей полемикой с В. С. Соловьевым по вопросу об отношении права и идеи абсолютного добра.

Согласно В. С. Соловьеву, право в своем роде «эманирует» из абсолютного добра, сводясь к «минимуму нравственности» как к чисто количественной характеристике, но сохраняя при этом непосредственную связь с абсолютным благом. Для Б. Н. Чичерина же отношение абсолютного блага и права опосредовано понятием сознания. Здесь абсолютное выступает прежде всего как всеобщее основание свободы личности, из идеи которой далее дедуцируемо право. При этом, согласно Б. Н. Чичерину, сама возможность внутренней свободы человека основана на изначально присущей его разуму идее абсолютного:

«...человек, по природе своей, есть существо сверхчувственное, или метафизическое, и, как таковое, имеет цену само по себе и не должно быть обращено в простое орудие. Именно это сознание служит движущей пружиной всего развития человеческих обществ. Из него рождается идея права, которая, расширяясь более и более, приобретает, наконец, неоспоримое господство над умами» [11, с. 55–56)].

Говоря о различиях между П. И. Новгородцевым и И. В. Михайловским, нужно также отметить, что первый трактовал путь к мышлению абсолюта в духе установок неокантианцев, следуя их призыву «Назад к Канту!». Е. А. Фролова относит школу «возрожденного естественного права» именно к числу влиятельнейших неокантианских философско-правовых течений XX в., отмечая, что с точки зрения неокантианства, «право — культурное явление, культурное

«благо»» [9, с. 25–26]. Напротив, И. В. Михайловский, явно оппонируя неокантианцам, выдвинул тезис «Назад к Гегелю!». Г. В. Ф. Гегеля И. В. Михайловский называет «вершиной европейской мысли», давая его философской системе совершенно справедливую и точную характеристику: «У Гегеля окончательно устранен дуализм мышления и бытия, нашего разума и вещи в себе (начало было положено Фихте и особенно Шеллингом) утверждается тождество мышления и бытия» [5, с. 202].

Задача философии права, согласно И. В. Михайловскому, состоит в экзпфикации идеи абсолютного блага с последующей дедукцией из нее идеи права. Само право понимается как активное соотношение позитивного и естественного права, смысл последнего также раскрывается через отношение к позиции Гегеля.

«Естественное право, — пишет русский философ, — есть идеальная основа положительного права (руководящий принцип: синтез личной свободы и объективного порядка). Реализация этой идеи обусловлена местными и временными данными социальной среды. Таким образом, естественное право не противоплагается положительному, а составляет его идеальную сущность, вечную основу и вместе с тем фактор всего исторического развития. Из изложенного ясно, что вопреки мнениям некоторых ученых 1) у Гегеля нет дуализма права; 2) его воззрения не могут быть характеризованы, как принципиально отличные от всех предыдущих и, 3) что такое понимание естественного права вовсе не “равносильно его упразднению”» [5, с. 202].

Конкретизируя понятие абсолютного всеединства, И. В. Михайловский рассматривает его как деятельное единство всеобщего разума и идеи абсолютного блага, которое, в свою очередь, трансформируется в «синтез личной свободы и общего блага». В соответствии с принципами философии абсолютного идеализма И. В. Михайловский выделял следующие основы идеи права: непосредственная связь принципов права с абсолютным источником всей мировой жизни; разумно-нравственное содержание принципов права; вечность и неизменность нравственной составляющей права для всех времен и народов.

Каждое из этих определений может быть принято только в том случае, если мы соотносим его с идеей абсолютного блага. Так, вечность и неизменность нравственной составляющей права внешне противоречит идее эволюции общества. Однако выводить изменчивость идеи блага из того простого факта, что понятия человека о нем исторически изменяются, И. В. Михайловский считал столь же недопустимым, как, например, отрицать неизменность законов природы на том основании, что на различных ступенях своего развития человек представлял себе их неодинаково.

«Примиряется положение о существовании абсолютных начал нравственности, с одной стороны, с изменчивостью нравственных понятий и требований — с другой, тем, что 1) изменяются наши субъективные представления, наше понимание этих начал и 2) изменяются отдельные конкретные требования нравственности в зависимости от разнообразия местных и временных условий» [5, с. 207].

В свою очередь, разумность принципов права, их «разумно-нравственное содержание», определяется разумной природой всеобщего первоначала, с кото-

рым установлена непосредственная связь права: «Существование абсолютных начал нравственности выводится из существования разумного Первоисточника всей мировой жизни» [5, с. 208].

Связь идеи «разумного Первоисточника всей мировой жизни» с идеей права в истории философии традиционно рассматривалась в рамках учения о естественном праве. Определяя понятие естественного права, Е. А. Фролова пишет:

«Классическое естественное право выступало как система норм, во всей подробности определяющая человеческое общежитие, но, в отличие от положительного права, задающегося той же целью, имело характер абсолютный, вечный, неизменный во времени и пространстве. Его предписания — идеал правового порядка, к которому по возможности должно приближаться положительное право» [10, с. 48].

И. В. Михайловский выделяет два основных подхода к трактовке понятия естественного права. Первый предполагал понимание естественного права как некоторой вечной и неизменной основы положительного права, которое, в свою очередь, мыслилось как реализация принципов естественного права. Таковы были, к примеру, учения Ульпиана или Фомы Аквинского. Вторым подход, близкий к позиции Т. Гоббса и Дж. Локка, рассматривал естественное право и его центральное звено — естественный закон — как некую идеальную норму, которая служит критерием для оценки положительного права и определяет направления его прогрессивного развития.

При имеющемся различии в этих интерпретациях естественного права И. В. Михайловский не находит между ними абсолютного различия, которое, по его мнению, снимается немецким классическим идеализмом. Ключевую роль здесь сыграло, по мысли русского философа, учение И. Канта. И. Кант в своей этике связал идею вечной и неизменной первоосновы положительного права с постоянной логической структурой разума, в практическом отношении дающего человеку высший нравственный закон, а реализацию нормативной функции естественного права усмотрел в главном принципе высшего нравственного закона — в категорическом императиве. И. В. Михайловский утверждает, хотя и несколько произвольно, что сама идея естественного права заключена у Канта в категорическом императиве, соответствие которому составляет критерий для оценки положительного права.

С такой интерпретацией позиции автора «Критики практического разума» нам также трудно согласиться. Как нам представляется, категорический императив не может выступать критерием права, поскольку самим Кантом он предлагается в качестве критерия моральности поступков человека. Право же не дедуцируется Кантом непосредственно из высшего трансцендентального принципа, а опосредовано моралью. В этом состоит отличие учения И. Канта о дедукции норм морали и права из всеобщего принципа от определений И. Г. Фихте, касающихся той же материи [8, с. 185–192].

Отсюда следует, что и категорический императив может рассматриваться как критерий для положительного права лишь опосредованно, и именно опосредованно моралью. Кантовское определение права («право — это совокупность условий, при которых произвол одного лица совместим с произволом другого лица с точки зрения всеобщего закона свободы» [2, с. 285]), предполагает

утверждение «всеобщего закона свободы», который не содержится имплицитно в категорическом императиве, а еще требует для своего обоснования выведения идеи абсолютного блага. Но в целом это замечание не препятствует нам отметить точность общей характеристики кантовского учения о праве, данной И. В. Михайловским. Он совершенно правильно усмотрел источник определения права Кантом в его синтезе идеи разума и идеи абсолютного блага. Даже с учетом того, что благо понималось автором «Критики практического разума» как чисто субъективная идея.

Эта характеристика суммируется И. В. Михайловским в трех тезисах: 1) Кант окончательно преодолевает точку зрения новоевропейского натурализма: «естественное право выводится не из природных влечений и свойств человека, а из самого существа его духа» [5, с. 211]; 2) Кант впервые обосновывает идею свободы человека:

«Теория Канта примирила обе крайности в высшем синтезе: личность как самоцель, как носитель абсолютных ценностей не может быть превращена в средство для благополучия общества; но, с другой стороны, свобода личности вовсе не есть произвол, а есть подчинение категорическим императивам автономного духа, одинакового у всех» [5, с. 212];

3) Кант подчеркнул нормативную функцию естественного права: «...он дал чисто формальное начало с безусловным, абсолютным характером, пригодное для оценки какого бы то ни было эмпирического содержания» [5, с. 212].

Г. В. Ф. Гегель, согласно трактовке И. В. Михайловского, выводит высшее естественно-правовое начало — абсолютное благо — из сферы чистой субъективности в область абсолютного бытия. При этом русский философ совершенно справедливо подчеркивает, что «абсолютное бытие, основа всего сущего, не есть неподвижная субстанция, а представляет собой развитие духа. Это развитие совершается путем диалектического закона примирения противоположных определений в высшем единстве» [5, с. 214]. Здесь можно было бы ожидать, что мы найдем в «Очерках философии права» интерпретацию «абсолютного бытия» не только как субстанции, на что указывает сам их автор, но также и как субъекта, а значит, не только как абсолютного бытия, но и одновременно как абсолютного мышления. Без этого трактовка абсолюта выглядит достаточно догматически (в том специфическом смысле, который ранее вкладывал в эту характеристику И. Г. Фихте). Однако подобный подход к интерпретации текстов автора «Науки логики» был характерен для всего XIX в., не исключая и работ В. С. Соловьева, и было бы неоправданным требовать от философствующего юриста в самом начале XX столетия чего-то большего.

Вместе с тем И. В. Михайловский совершенно правильно сводит определения «Первоисточника всей мировой жизни» к единству «Абсолютного Разума» и «Абсолютного Добра», осуществляя своего рода синтез гегелевского абсолютного идеализма и его идею всеобщего, с одной стороны, и опыт кантовского сложения идеи разума и идеи блага, с другой стороны. Эту интерпретацию И. В. Михайловский конкретизирует в трех главных положениях: 1) разумно-нравственный порядок есть «частица мирового этического порядка»; 2) законы человеческого разума аналогичны законам мирового бытия, а потому они соответствуют

и законам «мирового этического порядка»; 3) человек является неотъемлемым элементом в мировом процессе реализации абсолютного блага. Этот процесс И. В. Михайловский напрямую отождествляет с осуществлением Царства Божия.

Параллельно философ подчеркивает, что человек должен свободно полагать себя в качестве участника этого процесса осуществления абсолютного блага. Однако для исполнения своей миссии человек должен взаимодействовать с другими людьми по принципам того самого «мирового этического порядка», о котором неоднократно говорит автор в «Очерках философии права». Таким образом, идея права представляется синтезом общественного порядка и личной свободы. Более того: она «есть часть мирового этического порядка» [5, с. 202]. Основанием этого синтеза выступает идея абсолютного, понятого как всеобщий этический порядок, объединенный идеей блага.

Получив определение права в качестве результата аналитического толкования понятия абсолютного блага, И. В. Михайловский может считать вполне обоснованной ту задачу, которую он формулирует для философии права:

«Как общая философия стремится познать не только абсолютные первоосновы мира, но и тот порядок, в котором эти первоосновы проявляются, способ реализации их в мире, так и философия права должна показать те общие пути, те принципы, при помощи которых абсолютная идея права как часть общемирового этического порядка реализуется в окружающей нас среде и в истории культуры» [5, с. 178].

Как нам представляется, концепция И. В. Михайловского заключает в себе емкую и точную трактовку предмета философии права и ее задач. Она может рассматриваться также и как одна из наиболее последовательных в русской философии попыток раскрыть в содержании феномена права его всеобщую природу, определенную как идея абсолютного блага.

ЛИТЕРАТУРА

1. Деникина З. Д. Становление основных философско-правовых парадигм новейшего времени. Дисс... дра филос. наук. М., 2005. 439 с.
2. Кант И. Основы метафизики нравственности. Критика практического разума. Метафизика нравов. СПб, 1995. 528 с.
3. Михайловский И. В. К вопросу об уголовном судье. По поводу предстоящей судебной реформы. Нежин, 1898. 92 с.
4. Михайловский И. В. Основные принципы организации уголовного суда. Томск, 1905. 342 с.
5. Михайловский И. В. Очерки философии права. Т. I. Томск, 1914. 632 с.
6. Рыбин Д. В. Дореволюционный судебный деятель, юрист-ученый и педагог И. В. Михайловский: современник из прошлого // Baikal Research Journal. 2017. Т. 8. № 1. С. 26.
7. Сальников В. П., Масленников Д. В., Жук А. С. Идея нравственно-правовых ценностей и идея государства в парадигмах кантовской и гегелевской философии (к вопросу о проблеме равенства абсолютных ценностей) // Юридическая наука: история и современность. 2022. № 12. С. 186–192.

8. Сальников В. П., Масленников Д. В., Прокофьев К. Г. Смысл различия в подходе И. Канта и И. Г. Фихте к задаче дедукции права и морали // Юридическая наука: история и современность. 2018. № 4. С. 185–192.
9. Фролова Е. А. Методология юридических наук: неокантианский подход // Вестник Московского университета. Сер. 11: Право. 2016. № 1. С. 18–34.
10. Фролова Е. А. Моральная философия права П. И. Новгородцева. М.: Проспект, 2023. 160 с.
11. Чичерин Б. Н. Философия права. М.: Типография И. Н. Кушнерев и К°, 1900. 337 с.
12. Lukács G. Die Zerstörung der Vernunft. Berlin, 1954. 692 с.

REFERENCES

1. Denikina Z. D. (2005) Stanovlenie osnovnyh filosofsko-pravovyh paradigm novejshego vremeni [The formation of the main philosophical and legal paradigms of modern times]. Diss... doct. philos. M., 2005. 439 s. (In Russian).
2. Kant I. (1995) Osnovy metafiziki npravstvennosti. Kritika prakticheskogo razuma. Metafizika npravov [Fundamentals of the metaphysics of morality. Criticism of practical reason. Metaphysics of morals]. St Petersburg, 1995. 528 s. opros u ugovolnom sude. Po povodu predstoyashchej sudebnoj reformy [On the question of a criminal judge. About the upcoming judicial reform]. Nezhin, 1898. 92 s. (In Russian).
3. Mikhailovsky I. V. (1905) Osnovnye principy organizacii ugovolnogo suda [Basic principles of the organization of the criminal court]. Tomsk, 1905. 342 s. (In Russian).
4. Mikhailovsky I. V. (1914) Oчерки философии права [Essays on the philosophy of law]. T. I. Tomsk, 1914. 632 s. (In Russian).
5. Rybin D. V. (2017) Dorevolucionnyj sudebnyj deyatel', yurist-uchenyj i pedagog I. V. Mihajlovskij: sovremennik iz proshlogo [Pre-revolutionary judicial figure, lawyer-scientist and teacher I. V. Mikhailovsky: a contemporary from the past]. In: Baikal Research Journal. 2017. Vol. 8. № 1. P. 26. (In Russian).
6. Sалnikov V. P., Maslennikov D. V., Zhuk A. S. (2022) Ideya npravstvenno-pravovyh cennostej i ideya gosudarstva v paradigmah kantovskoj i gegelevskoj filosofii (k voprosu o probleme ravenstva absoljutyh cennostej) [The idea of moral and legal values and the idea of the state in the paradigms of Kantian and Hegelian philosophy (on the issue of the problem of equality of absolute values)]. In: Legal Science: History and modernity. 2022. № 12. Pp. 186–192. (In Russian).
7. Sалnikov V. P., Maslennikov D. V., Prokofiev K. G. (2018) Smysl razlichiya v podhode I. Kanta i I. G. Fihte k zadache deducii prava i morali [The meaning of the difference in the approach of I. Kant and I. G. Fichte to the problem of deduction of law and morality]. In: Legal science: history and modernity. 2018. № 4. Pp. 185–192. (In Russian).
8. Frolova E. A. (2016) Metodologiya yuridicheskikh nauk: neokantianskij podhod [Methodology of legal sciences: a neo-Kantian approach]. In: Bulletin of the Moscow University. Series 11: Law. 2016. № 1. Pp. 18–34. (In Russian).
9. Frolova E. A. (2023) Moral'naya filosofiya prava P. I. Novgorodtseva [Moral philosophy of law P. I. Novgorodtseva]. M.: Prospect, 2023. 160 s. (In Russian)
10. Chicherin B. N. (1900) Filosofiya prava [Philosophy of law]. M.: Printing house I. N. Kushnerev and Co., 1900. 337 s. (In Russian).
11. Lukács G. (1954) Die Zerstörung der Vernunft. Berlin, 1954. 692 s. (In German).